

Патрушев Сергей

Девятый

Сергей Патрушев

Девятый

«Автор»

2026

Патрушев С.

Девятый / С. Патрушев — «Автор», 2026

Джонни, «Девятый» — элитный маг-корона Дэмии, возвращается с границы сломленным. Внутри него пробудился осколок древнего демона Балтазара, а на столицу надвигается Ледяной Призрак Ксилар, слившийся с силой артефакта. В грандиозной битве Джонни теряет всё: друзей, броню и человеческую форму. Преодолев предел боли, он высвобождает истинное Пламя Души — чистую белую волю к жизни. Чтобы победить неуязвимого бога-демона, Девятый идёт на смертельную хитрость, подставляясь под удар ради одного точного выпада в разум врага. Из руин выходит не просто солдат, а новая легенда, но за падением Ксилара стоят силы, для которых гибель континентов лишь разминка перед настоящей бурей.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и Слава	5
Глава 2. Десятка	12
Глава 3. Тени на Границе	18
Глава 4. Легенда Вэйлиса	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Патрушев

Девятый

Глава 1. Пепел и Слава

Пыль арены пахла гарью, потом и дешевым вином.

Джонни стоял в центре Колизея Дэмии, не опуская рук. Его дыхание было ровным, сердце билось с размеренностью метронома — сто двадцать ударов в минуту, идеальный ритм для восстановления после взрывной нагрузки. Вокруг него на выжженном песчанике медленно оседал пепел. Не древесный, а плотный, жирный пепел сгоревшей магической эссенции. Там, где песок соприкасался с его босыми стопами, он спекся в черное стекло.

На противоположном конце восьмиугольника корчился его противник. Тяжелый латник из личной гвардии барона Кроули, обвешанный рунами защиты от физического урона так плотно, что напоминал ходячую крепость. Он был мертв еще до того, как шагнул за барьер. Джонни чувствовал это по запаху его страха, который смешивался с вонью раскаленного металла. Гвардеец потратил все свои сбережения на зачарованную сталь, но забыл купить себе мозги. Против мага огня девятого ранга латы были не броней, а духовкой.

— Сдавайся, — ровно произнес Джонни. Голос звучал глухо из-под простой тканевой маски, закрывающей нижнюю половину лица. — Я могу потушить тебя изнутри. Это будет больно минут пять. Или просто уснешь. Выбирай.

Гвардеец зарычал, поднял тяжелый фламберг, окутывая лезвие синим светом собственной маны, и бросился вперед. Земля дрогнула под весом двухсот килограммов закованного в железо мяса. Толпа взревела. Они любили кровь. Любили хруст костей. Но больше всего они любили иллюзию борьбы там, где ее давно не осталось.

Джонни выдохнул.

Он не сдвинулся с места. Лишь слегка развел пальцы правой руки. Воздух между ним и несущимся танком мгновенно нагрелся. Для зрителей это выглядело как вспышка: оранжевая змея сорвалась с ладони Девятого, пробила нагрудник гвардейца, вошла в тело, вскипятив кровь за долю секунды, и вышла через спину, унося с собой кусок спинного хребта. Латник рухнул лицом вниз, подняв облако пепла. Руны на его доспехах жалобно тренькнули и погасли. От них пошел густой сизый дым.

В наступившей тишине, которая всегда повисала над ареной сразу после убийства, раздался сухой щелчок. Судья — высохший старик в черной мантии коллегии — ударил посохом о камень. — Победа! — проскрипел он. — Нокаут. Девятый остается непобежденным!

И тогда Колизей сошел с ума.

Тридцать тысяч глоток выплюнули одно слово, которое эхом отразилось от мраморных трибун: — Де-вя-тый! Де-вя-тый! Де-вя-тый!

Они скандировали его имя, хотя никто из них не знал настоящего. Для столицы королевства Дэмия он был цифрой. Эмблемой. Идеальным убийцей, завернутым в черный хлопок.

Джонни разжал кулаки. Пальцы едва заметно дрожали. Не от усталости. От накопившегося напряжения, которое требовало выхода. Магия Огня жила внутри него не костром, а спрессованным вулканическим давлением. Если дать ему волю, он превратит весь Колизей в озеро лавы. Но Джонни годами вбивал в свое тело железную дисциплину. Давление должно оставаться внутри. Оно кует клинок. Выпускать его наружу — удел любителей вроде того мертвеца в песке.

К нему подбежал распорядитель арены — толстый, потный мужчина в шелках, которые казались оскорблением на фоне минималистичного черного костюма бойца. — Блестяще,

милорд! Барон Кроули только что потерял годовой доход, ставя на своего цепного пса! Золото уже переведено на ваш анонимный счет. Плюс бонус от Короны за зрелищность — вы снова спасли сборы этого месяца.

Джонни молча прошел мимо него. Распорядитель осекся и отступил, бормоча извинения. Девятый никогда не давал интервью. Никогда не поднимал забрала. Никогда не купался омовениях. Он принимал золото, лечил неизбежные микротравмы у личного целителя и исчезал. Эта отстраненность бесила публику еще сильнее, чем его победы, лишь подогревая культ вокруг безликого номера.

Коридоры под ареной встретили его прохладой и запахом мокрого камня. Рев толпы остался позади, превратившись в далекий гул прибора. Здесь дежурила стража Королевской Гвардии, но при виде идущего навстречу человека солдаты инстинктивно прижимались к стенам, пряча взгляды. Они боялись его больше, чем вражеских армий. Армия убивает издалека. Девятый убивал лично, глядя в глаза.

У тяжелой дубовой двери, обитой бронзой, стояли двое. Их доспехи сияли полированным золотом, а плащи были расшиты гербом Дэмии — фениксом, пронзающим солнце. Элита элит. Первый и Второй.

Первый прислонился к косяку, лениво поигрывая коротким клинком, который, если верить слухам, мог резать само пространство. Высокий, платиновый блондин с улыбкой сытого хищника. Настоящее имя — Каэль. Говорили, что однажды он разрезал пополам целую осажденную башню вместе с гарнизоном, просто проведя перед ней ладонью. — Как прогулка, Девятый? — ухмыльнулся Каэль. — Надеюсь, ты оставил немного пепла для садовников. Им завтра удобрять королевские розы.

Второй даже не повернул головы. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел прямо перед собой. Массивный, вырубленный из темного гранита, с кожей цвета старой бронзы. Его звали Варг, и он считался сильнейшим живым существом континента по чистой физической мощи. Рядом с ним даже самый крупный минотавр казался подростком. — Он тратит слишком много кислорода, когда открывает рот, — ровно ответил Джонни, останавливаясь в трех шагах от них.

Каэль рассмеялся. Смех Второго Первого всегда звучал фальшиво, как звон дешевых монет. — Остроумие нашего огненного мальчика прогрессирует. Еще пара лет, и он научится шутить. Что скажешь, Варг? Выпишем ему премию за развитие социальных навыков?

Варг медленно перевел взгляд своих абсолютно черных глаз на Джонни. В этих глазах не было ни злобы, ни веселья. Только бесконечная, давящая пустота. — Ты задерживаешь нас, Девятый, — прогудел он. Бас Второго заставлял вибрировать каменные плиты под ногами. — Совет Десяти ждет. Король не любит ждать.

Джонни кивнул. Он протянул руку, и распорядитель, семенивший следом, вложил в нее кожаный кошель. Тяжелый. Джонни взвесил его в руке, удовлетворенно хмыкнул и бросил обратно. — На восстановление песка, — бросил он. — И компенсацию семье гвардейца. Отправьте анонимно.

Каэль картинно закатил глаза. — Святой мученик. Жертвуешь деньги семьям тех, кого испепеляешь. Какой трогательный фарс.

Джонни посмотрел на Первого. Прямо сквозь прорези своей простой маски. Взгляд был лишен эмоций, но Каэль вдруг перестал улыбаться. Он почувствовал, как температура воздуха в коридоре упала на пару градусов, а тени от факелов вытянулись, словно пытаясь спрятаться. — Фарс — это твоя позолота, Каэль, — сказал Джонни. — Она блестит снаружи, чтобы никто не увидел ржавчину внутри. А я просто сжигаю мусор. Освободи проход.

Первый побледнел, дернул щекой, но отошел в сторону, пропуская Девятого. Варг постоял молча.

Залы Королевского дворца пахли иначе. Здесь царил аромат воска, старого пергамента, озона от стационарных защитных контуров и дорогих сигар министра финансов. Ковры глушили шаги. Стража здесь стояла каждые десять метров, но их алебарды были скорее декорацией. Настоящая защита заключалась в невидимых нитях магии, сплетенных в сложную сеть. Любой незванный гость, сделавший лишний шаг, превратился бы в горстку праха быстрее, чем успел бы моргнуть.

Джонни вошел в Зал Полукруга последним.

Десять кресел из черного обсидиана стояли амфитеатром напротив огромного панорамного окна, выходящего на шпили столицы. В креслах сидели девять человек. Топ-10. Личный карательный отряд Короны. Те, чье существование держало королевство Дэмия от распада последние сорок лет.

Во главе, в самом массивном кресле, сидел старик. Король Элиан Третий. Его лицо напоминало пересохшую карту дорог, а белые волосы светились в лучах заходящего солнца. Несмотря на возраст, от фигуры короля исходила такая властная тяжесть, что казалось, сама гравитация работает на него.

По правую руку от короля стояло пустое кресло из белого мрамора. Кресло Нулевого. Оно пустовало уже семь лет, с момента падения Артура Проклятого, но его присутствие ощущалось физически. Зияющая дыра в совершенстве системы.

Когда Джонни ступил на мозаику центра зала, девять пар глаз синхронно повернулись к нему. Никто не поприветствовал. Внутри Топ-10 не было вежливости. Была только функция.

— Садись, Девятый, — проскрипел король Элиан.

Джонни подошел к своему месту — девятому слева — и опустился в холодный обсидиан. Камень принял форму его тела, чуть нагревшись от контакта. Система работала безупречно. Каждый номер соответствовал уровню угрозы, которую государство могло контролировать. Десятый — шпионы и диверсанты. Восьмой — тяжелые боевые маги поддержки. И так далее, вверх по лестнице смерти.

— Хороший вечер для тотализатора, — сухо заметил Седьмая, женщина в строгом мундире разведки, перебирая пальцами янтарные четки. Ее звали Илва, и она могла заставить заговорить камень. — Казна пополнена. Барон Кроули рвет на себе волосы, а может, и нечто иное. Ставки на твою смерть перестали приниматься три года назад. Скучно.

— Мы собрали вас не ради сводок с арены, — оборвал ее король. Его голос, тихий и скрипучий, перекрыл шепотки. — У нас проблема. Северные рубежи. Провинция Валлард.

Карта провинции вспыхнула в воздухе голограммой. Красные точки мятежей расползались по ней, как язвы. — Граф Валлард объявил о независимости, — продолжил король, водя узловатым пальцем по воздуху. — Сегодня утром его люди вырезали имперский налоговый обоз. Вместе с детьми возниц. Граф сжег заживо двенадцать человек, включая собственного сборщика податей, который оказался недостаточно убедителен. Он провозгласил себя «Свободным Солнцем Севера» и призывает остальные баронства последовать его примеру.

— Пусть Четвертая идет и ломает им ноги, — лениво протянул Каэль (Первый), крутя на пальце кольцо-печатку. — Мятеж одного захолустного графа — это работа для армии, а не для нас. Мы — скальпель. Зачем использовать скальпель, чтобы рубить дрова?

Король медленно перевел взгляд на Первого. Улыбка Каэля увяла. — Потому что это не обычный граф, Каэль, — сказал король. — Три часа назад прилетел ворон от наших союзников из Султаната. Валлард нашел кое-что в старых шахтах Хребта Дракона. Фрагмент Солнечного Резонатора. Древний артефакт эпохи Войн Рассвета.

В зале стало тихо. Даже Варг (Второй) едва заметно напрягся.

Резонатор. Оружие, способное превратить столицу Дэмии в гладкое стеклянное море одним импульсом. Легенда, которую считали сказкой для запугивания детей.

— Насколько фрагмент велик? — подал голос Пятый, сухой как мумия старик, отвечающий за логистику и снабжение всей десятки.

— Достаточно велик, чтобы испарить половину нашей северной армии, если граф сумеет его активировать, — ответил король. — И достаточно нестабилен, чтобы уничтожить самого графа вместе с замком, если он ошибется в расчетах. Проблема в том, что у Валларда появился советник. Некто, называющий себя «Эхо». Наши менталисты утверждают, что этот «Эхо» способен манипулировать разумом людей на расстоянии лиги. Солдаты Валларда идут на смерть с радостью. Они счастливы умирать за свой новый флаг. Нам нужен кто-то, чей разум нельзя переписать. Кто войдет в замок, найдет Резонатор и вернет его Короне. До того, как север запылает.

Девять голов одновременно повернулись к Джонни.

Он сидел неподвижно. Черная ткань его одежды сливалась с обсидианом кресла. Внутри него привычно шевельнулась тяжелая, горячая масса. Магия ждала команды.

— Почему именно я? — спросил Джонни. Его голос прозвучал ровно, но вопрос вызвал волну возмущения.

— Потому что ты — огонь, идиот! — рыкнул Каэль. — Если твой разум попытаются переписать, синапсы взломщика просто сварятся в твоей черепушке! А если граф направит на тебя свою игрушку... ну, тебе же нравится жарко, разве нет?

— Замок Валларда защищен тремя кольцами обороны, — вступила Илва (Седьмая). — Внешний вал, магический щит четвертого порядка и личная гвардия графа — триста берсерков, обдолбанных пылью лунного гриба. Тебе придется пройти сквозь них. В одиночку. Щит не пропустит порталную группу.

— Мне понадобится два дня на подготовку, — сказал Джонни. — Состав зелий для подавления грибных токсинов. Свитки рассеивания средней сложности. И карта подземных тоннелей замка. Старых. Тех, что строили гномы.

Король Элиан позволил себе едва заметную кривую усмешку. — Все уже доставлено в твои покои, Девятый. Архитектор гномьих путей ждал твоего возвращения с арены. Мы знали, что ты согласишься.

— Я не соглашался, — поправил его Джонни. — Я просто констатировал факты. Если Резонатор работает, моя пенсия аннулируется. Это невыгодно.

Это была самая длинная речь, которую слышали от Девятого за последний год. По залу прокатилась волна сухих смешков, тут же умерших под взглядом короля.

— Выезд через час, — отрезал Элиан. — Корабль теней отвезет тебя к предгорьям. Дальше пешком. — Верхом быстрее, — возразил Джонни. — Верхом тебя заметят за десять лиг. А ты должен быть призраком. Вопросы есть?

Вопросов не было. Работа Девятого всегда начиналась одинаково: с констатации фактов и отсутствия вопросов.

Джонни поднялся. Обсидиан кресла с влажным чавканьем отпустил его одежду. — Разрешите идти?

— Иди, — кивнул король. — И вот еще что, Девятый.

Джонни замер у дверей, не оборачиваясь. — Если почувствуешь, что Резонатор начал обратный отсчет... если поймешь, что не успеваешь его извлечь... протокол Омега. Ты знаешь, что делать.

Протокол Омега. Самоуничтожение цели вместе с оператором. Джонни знал. Чтобы остановить лесной пожар, иногда приходится сжигать лесничество вместе с самим собой.

— Понял, — коротко бросил он и вышел.

Его личные покои в западном крыле дворца напоминали монашескую келью, в которой поселился оружейник. Никакой мебели, кроме низкого деревянного настила для сна. Белые стены. Единственное окно выходило на тренировочную площадку гвардии.

На полу уже стояли два деревянных ящика.

Джонни снял маску. Под ней оказалось молодое, жесткое лицо с острыми скулами. Левую бровь пересекал старый белый шрам, уходящий под волосы. Ему было двадцать восемь, но глаза смотрели гораздо старше. Глаза человека, который каждый день добровольно сгорал изнутри.

Он подошел к первому ящику. Внутри, переложенное соломой, лежало его оружие. «Плачущий». Двуручный цвайхандер длиной почти в рост Джонни. Широкий клинок из редчайшего синего метеоритного железа, покрыт сетью микроскопических каналов. Когда Джонни вкладывал в меч ману Огня, металл перегревался, и по лезвию начинали бежать струйки раскаленного пара, похожие на слезы. Отсюда и название. Обычный человек не смог бы поднять его одной рукой. Джонни вращал им с легкостью ивового прута.

Он провел пальцем по рукояти, обмотанной шершавой кожей морского змея. Меч отозвался низким, утробным гулом. Металл просил крови.

Из второго ящика он достал несколько плотно закупоренных флагов. Зелье ясности ума. Зелье сопротивления токсинам. И один маленький флакон из непрозрачного стекла. Темно-красная жидкость внутри пульсировала, словно живая. Эссенция Феникса. Одноразовое спасение. Если его разорвет на куски или испепелит остаточным выбросом Резонатора, одна капля этой жидкости соберет его тело заново за тридцать секунд боли, которая способна убить обычного демона. Очень дорогое лекарство от очень вероятной смерти.

Джонни методично пристегнул к поясу ножны с двумя короткими кинжалами. Проверил крепления наручей, усиленных стальными пластинами. Натянул поверх тонкой нательной брони длинный дорожный плащ с глубоким капюшоном — темно-серый, поглощающий свет.

Закончив сборы, он сел на пол в центр комнаты, скрестив ноги.

До выезда оставался час. Сорок минут из них он посвятил медитации.

Он закрыл глаза и обратился внутрь. Туда, где находился источник. Его ядро.

Оно не было похоже на уютный очаг, как учат наставники в академиях для дворянских сынков. Ядро Джонни представляло собой шар абсолютной тьмы, в центре которого висела звезда. Плотная, сжатая чудовищным давлением плазма. Она не грела. Она жаждала расширения. Каждое мгновение существования Джонни было борьбой воли с этим колоссальным давлением. Воля удерживала стенки тьмы, не давая звезде расшириться. Именно эта борьба делала его кожу горячей на ощупь, а прикосновение — оставляющим легкие ожоги. Именно поэтому его прозвали Девятым. Девятый уровень контроля над первозданным хаосом. Десятый уровень означал полное слияние, потерю человеческой формы и превращение в стихийное бедствие. Артур, бывший Нулевой, выбрал десятый. Мир до сих пор помнил цену той ошибки.

Магия ворочалась внутри, реагируя на мысли о предстоящей миссии. Предвкушение битвы. Запах горелого мяса с арены все еще стоял в ноздрах. Джонни сделал глубокий вдох, выравнивая давление. Бой — это математика. Геометрия. Время реакции. Эмоции — это коррозия. Ржавчина, которая тупит клинок.

«Ты боишься?»

Голос возник в голове не звуком, а чистым смыслом. Иностранная мысль, холодная и скользкая, как прикосновение утопленника. Она просочилась сквозь защиту ядра, минуя пламя.

Джонни не открыл глаз. Его пульс остался прежним. — Нет, — ответил он вслух. — У тебя нет допуска, Эхо.

Менталист засмеялся прямо в его сознании. Звук был похож на треск сухого дерева в огне. *«Мы похожи, Девятый. Мы оба — инструменты. Нас создали, чтобы мы убивали.»*

Разве тебе никогда не хотелось направить свой огонь не туда, куда указывает палец короля? Посмотри на север. Там свобода. Там те, кто устал носить чужие цепи».

Джонни медленно выдохнул. Вместе с воздухом изо рта вырвалась тонкая струйка дыма. — Цепи нужны, — ровно сказал он. — Без них стадо разбежится по лесу и сдохнет в первую же зиму от волков или голода. Свобода — это роскошь для сытых. А ваши берсерки грызут землю от голода. Ты даешь им иллюзию, чтобы они умерли за амбиции жадного графа. Я видел такую свободу раньше. Она воняет кровью и экскрементами.

Давление усилилось. *«А твоя свобода, Джонни? В чем разница между моей иллюзией и твоей службой? Ты тоже умрешь по приказу. Просто твой хозяин сидит на более красивом троне».*

— Разница в том, что мой трон стоит на твердой земле, а не плавает на болоте безумия, — Джонни прервал контакт. Он представил, как его воля становится стальной дверью, и с лязгом захлопнул ее перед носом вторженца.

Раздался болезненный визг, и чужое присутствие исчезло. Попытка прощупать почву. Оценка сопротивляемости. Джонни выдержал. Значит, работать придется руками и мечом. Это было проще.

За дверью покоев дважды ударил колокол. Час вышел.

Джонни открыл глаза. Радужка пылала тусклым янтарным огнем.

Он встал, набросил на плечи плащ, скрывающий очертания оружия, и взял «Плачущего». Меч легонько качнулся, задев ножами стену, оставив на белом дереве черную сажу.

Перед выходом Джонни остановился. Он подошел к единственной детали интерьера, выбивающейся из аскетизма — небольшому алтарю в углу. На нем стояла простая глиняная чашка с давно засохшим молоком и две палочки благовоний.

Он зажег новые палочки. Дым пополз к потолку сладким ароматом горных трав. — Спи спокойно, отец, — прошептал Джонни, зная, что дух старого генерала Майрона Паттерсона сейчас бродит по равнинам вечной охоты, вооруженный лишь честью. — Я сожгу то, что нужно сжечь. Постарайся сегодня не являться мне во сне. Мне предстоит долгая дорога.

Не дожидаясь ответа, которого никогда не следовало, он развернулся и вышел из кельи.

В коридоре его ждали трое. Каэль, Варг и личный телохранитель короля — Восьмой, мастер ядов и скрытности по имени Лисса.

— Северный экспресс отправляется, мальчики и девочки, — ухмыльнулся Каэль, салютуя бутылкой вина. — Пойдем убивать мятежников, пока наши теплые постели не остыли?

Лисса промолчала, сканируя потолок на предмет скрытых игл. Варг просто тяжело вздохнул, отчего по каменным плитам прошла легкая вибрация.

Джонни прошел мимо них, направляясь к Башне Теневых Путей. Он не стал отвечать. Ответы требовали энергии, а впереди был переход через Изломанную Пустошь, битва с тремя сотнями одурманенных психопатов и неизвестный древний артефакт, способный стереть страну с карты.

Энергию нужно было экономить. Каждая калория сегодня вечером должна превратиться либо в скорость, либо в температуру пламени.

Толпа на арене кричала «Девятый», потому что видела танец. Король называл его Девятым, потому что видел коэффициент полезного действия.

Сам Джонни предпочитал вообще никак себя не называть. Имя — это привязанность. Привязанность порождает страх потери. А воин, который боится потерять жизнь, уже наполовину мертв.

Он положил ладонь на ледяной кристалл врат Башни. Портальная метка Валларда вспыхнула в его сознании кроваво-красным маяком.

Закрыв глаза, Девятый шагнул в абсолютный холод межпространственного перехода. За спиной сомкнулась тьма, отрезая звуки столицы, запахи дворца и тепло родного мира. Впереди ждала только война, пепел и математически точная необходимость выжить.

Глава 2. Десятка

Теневой переход выплюнул его на крышу казарм Топ-10, когда над столицей Дэмия только начинало сереть небо. Воздух здесь был чище, чем внизу, в лабиринте узких улочек Нижнего города, но Джонни все равно чувствовал привкус озона и застарелой крови. Башня Теневых Путей сожрала почти треть его резерва — плата за мгновенное перемещение из северных пустошей прямо в сердце столицы.

Миссия прошла по протоколу «Скальпель». Никакого огня до небес, никаких криков ужаса. Только тишина, два кинжала, брошенных с ювелирной точностью в глазницы часовых, и плавный, текущий танец среди трехсот берсерков графа Валларда во внутреннем дворе замка. Лунная пыль делала их быстрыми, но лишала страха смерти. Они бежали на него с радостью, открывая глотки для крика, и умирали, не понимая, почему их тела распадаются на части от соприкосновения с раскаленным лезвием «Плачущего».

Резонатор он нашел в подземелье. Мерцающий кристалл размером с голову ребенка, пульсирующий опасным золотым светом. Советник Эхо ждал его там же. Он оказался бледным юношей с глазами старика. Он не пытался ударить магией — бесполезно против Девятого. Он просто смотрел на Джонни с бесконечной, всепрощающей жалостью. — Ты тоже инструмент, — сказал Эхо перед тем, как цвайхандер рассек его ключицу. — Просто тебе дали более красивую клетку.

Джонни убил его без ненависти. Протокол Омега не понадобился: граф успел активировать лишь первичный контур Резонатора, который выжиг ему самому мозг обратной связью, прежде чем перегореть. Джонни забрал остывающий артефакт, завернув его в асбестовую ткань, и шагнул в заранее подготовленный портал эвакуации.

Теперь кристалл лежал в свинцовом ящике в кабинете короля Элиана, а сам Джонни стоял под холодными струями воды в личной купальне казарм. Вода стекала по обожженной коже предплечий — один из берсерков все-таки достал его цепным кистенем, прорвав защиту. Раны уже затянулись тонкой пленкой новой кожи благодаря ускоренной регенерации мага высокого ранга, но зуд напоминал о том, что плоть все еще остается уязвимой.

Он выключил воду, набросил на плечи жесткое льняное полотенце и вышел в общую зону.

Казармы Топ-10 представляли собой переоборудованный бастион старой крепостной стены. Никаких роскошеств. Спартанские условия, которые сами бойцы делали еще более невыносимыми своим присутствием. Здесь пахло сталью, оружейным маслом, дорогим табаком Каэля и вечной сыростью подвала, где обитал Восьмой.

В центральном зале, вокруг массивного дубового стола, заваленного картами, недоеденными окороками и пустыми бутылками, сидела большая часть отряда.

Шестой — Горм Железнобокий, мастер тяжелой пехоты и осадных орудий. Сейчас он спал прямо на столе, положив голову на скрещенные руки, между которыми стояла недопитая кружка эля. Его храп заставлял дрожать оконные стекла. На Шестом всегда было слишком много железа, даже сейчас во сне его пальцы сжимались, словно держа рукоять несуществующей алебарды.

Напротив него, закинув ноги в сапогах из змеиной кожи на край столешницы, сидел Первый. Каэль крутил в пальцах тонкий стилет, подбрасывая его так, что тот каждый раз входил точно между половицами. — ...и тогда я говорю этому торговцу тканями: «Если твоя жена снова наденет такое платье, северный ветер заберет ее раньше, чем ты успеешь заплатить налог», — вещал Каэль в пространство, хотя слушателей, кроме спящего Горма, не было. — А он мне отвечает...

Дверь скрипнула. Каэль мгновенно замолчал, перехватив стилет обратным хватом. Рефлексы Первого никогда не спали. В зал вошел Четвертый.

Его звали Сайлас, но имя использовалось реже, чем титул. Четвертый был полной противоположностью Первому. Если Каэль был шумом, блеском и движением, то Сайлас был вакуумом. Высокий, облаченный в глухие доспехи из матово-черного вулканического стекла, он двигался абсолютно бесшумно. Даже тяжелая кольчужная юбка не издавала ни звука при ходьбе. На нем не было ни герба, ни украшений. Единственным отличием были его глаза — или, вернее, отсутствие таковых. Лицо скрывал глубокий капюшон и гладкая металлическая маска-полусфера, лишенная прорезей. Никто не знал, как Четвертый видит мир. Говорили, что он чувствует тепло живых тел сквозь камень и читает намерения по микровибрациям воздуха.

Сайлас прошел мимо Каэля, едва заметно кивнув. Первый оскалился и показал ему неприличный жест, но вложить в движение настоящую угрозу не посмел. Между Первым и Четвертым существовал негласный договор: они признавали силу друг друга и старались не пересекаться без необходимости. Сила Каэля была разрушительной и яркой. Сила Сайласа — поглощающей и холодной, как черная дыра.

Четвертый остановился напротив Джонни. Тот как раз заканчивал вытирать волосы.

Сайлас протянул руку. На открытой ладони — единственной видимой части его тела, покрытой старыми белыми шрамами — лежал маленький флакон с густой темно-синей мазью. Зелье абсолютной регенерации. Запасы такого были только у личного целителя Короны, и выдавались они строго под отчет после миссий со статусом «Критический».

Джонни посмотрел на флакон, затем на маску Четвертого. — Я обработал раны, — ровно сказал Джонни. — До завтра пройдет.

Четвертый не убрал руку. Он слегка наклонил голову. Этот жест не требовал слов. *«Это сэкономит тебе три часа сна. Тебе выступить через двенадцать»*.

Джонни молча взял флакон. Открутил крышку. Пахнуло мятой и чем-то металлическим. Он плеснул густую жидкость на ожоги. Мазь зашипела, впитываясь в кожу, снимая зуд и оставляя после себя ощущение ледяного покалывания. Эффективно. Как и все, что делал Четвертый.

— Сентиментальность тебя погубит, Тень, — фыркнул Каэль, продолжая вертеть стилет. — Наш огненный мальчик скоро начнет платить налоги за семьи тех, кого рубит. Теперь вот аптекарем работает. Что дальше? Будешь вышивать ему платочки?

Сайлас медленно повернул скрытую маской голову к Первому. Температура в зале упала градусов на пять. Пар изо рта Горма перестал идти — воздух стал слишком сухим. Храп Шестого сбился и захрипел. Каэль осекся. Улыбка сползла с его лица. Он почувствовал, как невидимое давление сдавило грудную клетку, мешая сделать вдох. Это не была угроза убийства. Это было предупреждение о том, что следующий звук станет последним.

— Достаточно, — раздался голос от двери.

Восьмая. Лисса. Она вошла бесшумно, словно просочилась сквозь щели в полу. Невысокая, гибкая, одетая в костюм цвета мокрого асфальта. Ее лицо казалось высеченным из фарфора, а движения рук были похожи на ползущих змей. Мастер ядов, антидотов и тихих смертей. Там, где Девятый сжигал проблему, а Второй расплющивал ее в лепешку, Восьмая растворяла ее без остатка, не оставив даже молекулы ДНК.

— Вы светитесь ярче борделя в праздник, — она обвела взглядом комнату. — Король собирает нас. Полный состав. И если Варг опять застрянет в дверях столовой, мы начнем без него.

Как по команде, из коридора, ведущего на кухню, донесся треск ломаемого дерева и возмущенный рев. В зал, пригнувшись, чтобы не задеть притолоку, протиснулся Второй. Варг. Живой таран весом в четверть тонны. В одной руке он держал половину жареного поросенка,

в другой — деревянную скамью, которую, видимо, случайно оторвал от пола, пытаясь пройти в узкую дверь.

— Хорошее мясо, — пробасил Варг, откусывая сразу треть поросенка вместе с яблоком во рту. Дерево скамьи жалобно хрустнуло в его лапищах. — Но тесное.

Лисса закатила глаза. — Положи это, гора мышц, пока не подавился. Нас вызывают.

Варг равнодушно бросил остатки скамьи в угол (они превратились в щепу) и прислонился к стене, дожидая поросенка. Спустя минуту начали подтягиваться остальные.

Появилась Илва (Седьмая), перебирая свои янтарные четки с такой скоростью, что они сливались в одно желтое пятно. За ней вошли близнецы Третий и Десятый — Маро и Кестрел. Мастера двойного клинка и парных стилетов. Они выглядели одинаково — худые, нервные, похожие на породистых гончих, — но Маро предпочитал скорость и открытые пространства, а Кестрел любил темноту и перерезанные сухожилия. Они постоянно заканчивали фразы друг за другом, что жутко раздражало всех остальных. Последним, тяжело опираясь на трость с навершием в виде черепа, приковылял Пятый. Казначей, логистик и главный мозг операции. Человек, который мог рассчитать траекторию падения империи, исходя из цены на овес в провинции.

Когда Десять собрались вокруг стола, Лисса закрыла окна и активировала полог тишины. Теперь звуки зала не могли покинуть комнату, а те, кто попытался бы подслушать снаружи, услышали бы лишь спор двух прачек о мыле.

Король Элиан не явился лично. Вместо этого посреди стола возникла проекция. Старик сидел в своем кресле, выглядя еще более древним, чем утром. Рядом с ним стоял пустой мраморный трон Нулевого.

— Садитесь, — проскрипела проекция. — Отчет Девятого я получил. Север временно усмирен. Резонатор в хранилище. Граф Валлард мертв, замок выгорел изнутри. Официальная версия — утечка алхимического газа.

— Мы хорошо горели, сир, — ухмыльнулся Каэль, вальяжно развалившись на стуле. — Жаль, зрителей не было. Ставки нынче пошли мелкие.

— Заткнись, Первый, — отрезал король. — Речь пойдет не о севере. То была разминка. Настоящая проблема пришла с востока. Из-за Жемчужного моря.

Илва перестала терзать четки. Близнецы замерли. Даже Варг перестал жевать, прислушиваясь.

Империя Катран. Древняя, технологически развитая цивилизация, отделенная от Дэмии непроходимым штормовым поясом океана. Последние триста лет контакт поддерживался только через торговлю редкими металлами. Империя Катран считалась союзником, хоть и высокомерным.

— Четыре дня назад наш флот дальнего патруля перестал выходить на связь, — продолжил король. — Корабль-семафор из нейтральных вод передал сигнал бедствия. Фрегат «Громовержец»... исчез. Не потоплен. Именно исчез. Вместе со всей командой и грузом дипломатической почты.

Проекция сменилась. Над столом повисла карта Восточного архипелага. Группа островов, известных как Зубы Дракона. — Разведка Восьмой докладывает, что активность пиратских баронов в этом секторе выросла на четыреста процентов. Но пираты не топят военные корабли Империи без следа. Их берут на abordаж ради выкупа.

— Значит, это не пираты, — прогудел Варг. — Браво, Вторая голова континента, — съязвил Каэль. — Шерлок, ты сегодня в ударе. — Молчать, — рыкнул король так, что дрогнули стекла. — Проблема глубже. Посол Катрана прибыл час назад. Через закрытую линию связи. Они обвиняют нас. Утверждают, что «Громовержец» перевозил нечто, принадлежащее Императору. И что наши наемники перехватили судно. Они требуют вернуть украденное и выдать

виновных. Иначе торговый путь будет перекрыт навсегда, а их новый Небесный Флот начнет патрулирование наших вод.

— Война на два фронта? — спокойно спросила Лисса. — Нам не хватит людей держать север, если восток ошестинится кораблями Катрана. Их арбалетные болты прошивают рыцаря насквозь.

— Поэтому войны не будет, — сказал король. — Будет спецоперация. Прямо в сердце Империи. В их столицу — город Аркс-Нокс. Вам нужно найти обломки «Громовержца» или то, что от них осталось, выяснить, кто стоит за нападением, и доставить похищенный объект обратно. Желательно — свернуть шею послу Катрана за дерзость, если представится случай. Сделайте это тихо. Если Катран официально объявит нам войну, Дэмия падет через месяц. Наша армия хороша в поле, но их големы сравнивают столицу с землей.

Наступила тишина. Даже Каэль перестал скалиться. Рейд в закрытую империю, защищенную древней магией и технологиями, куда невозможно открыть теневой портал из-за постоянных атмосферных искажений... Это было самоубийство.

— Почему мы? — спросил Пятый, поправляя очки. — У нас нет флота. Переход займет недели на паруснике. Мое расписание... — Потому что цель находится внутри дворца Императора, — прервал его король. — Объект успели переместить туда до того, как корабль пропал. Морской путь исключен. Вас доставит Пятый. Используй проект «Левиафан».

Пятый хищно улыбнулся, впервые за вечер проявив подобие эмоции. — Подводная лодка? Наконец-то. Я говорил, что балластные цистерны нужно делать из титанита, а не из зачарованного дуба. Теперь послушают.

— Когда выдвигаемся? — подал голос Джонни. Огонь внутри него беспокойно ворочался. Задание звучало неправильно. Слишком много политики, слишком мало прямого удара.

— Вчера, — ответил король. — Корабль ждет вас в тайной бухте Южных Скал. Но есть деталь. Император Катрана — параноик. Его личная гвардия носит броню, отражающую элементальную магию. Каэль, твой пространственный разрез завязнет в их щитах. Варг, ты сломаешь кулаки об их воротники.

Король перевел взгляд на Джонни. Проекция приблизилась, увеличивая лицо старика. Янтарные глаза встретились с тусклым огнем радужек Девятого. — Мне нужен ключ, который откроет любую дверь. Мне нужен пожар, которому плевать на противопожарные руны. Девятый, ты возглавишь наземную группу. Твоя задача — войти во дворец, найти объект и обеспечить эвакуацию остальным.

— Что за объект? — спросил Джонни.

Повисла пауза. Король Элиан долго молчал, глядя куда-то поверх голов своих лучших убийц. — Осколок души, — наконец произнес он. — Фрагмент сущности Архидемона Балтазара. Левый глаз. Тот самый, что мы вырвали из него тысячу лет назад в Битве Расколотого Неба. Он хранился в сокровищнице Короны веками, пока неделю назад советник не убедил меня передать его Катрану в качестве залога мира.

По залу прокатился единый судорожный вздох. Илва выронила четки. Близнецы синхронно перекрестились. Даже туповатый Горм приподнял голову со стола.

Балтазар. Прародитель скверны. Существо, чья единственная слезина могла отравить континент.

— Зачем вы отправили его?! — взвизгнул Маро (Третий). — Чтобы сдержать кое-что похуже, — жестко ответил король. — Но теперь он в руках врага. Если инженеры Катрана сумеют изучить структуру демонической души, они создадут оружие, против которого ваша десятка будет беспомощна, как котята. А если они найдут способ... восстановить этот фрагмент, Балтазар получит шанс вернуться.

— Нас отправляют красть кусок бога у целой империи, — констатировал Каэль, внезапно став серьезным. — И везут туда в железной бочке. Мне начинает нравиться эта неделя.

— Вы выступаете через час, — отрезала проекция короля. — Вопросы?

Вопросов не было. Были только взгляды. Взгляды людей, которые знали, что вероятность вернуться из этой миссии составляла меньше десяти процентов.

Король начал перечислять детали: коды доступа, слепые зоны охраны, время смены караула. Джонни слушал вполуха. Его внимание привлек Четвертый. Пока остальные реагировали на новость о демоническом артефакте — кто страхом, кто азартом — Сайлас оставался неподвижен. Но Джонни, привыкший чувствовать температуру боя кожей, заметил, как изменился фон вокруг Четвертого. Холод, исходящий от него, стал другим. Глубоким. Абсолютным. Температурой открытого космоса.

Когда король закончил и проекция погасла, в зале стало совсем тихо. Слышно было только, как сопит разбуженный криком Илвы Горм.

— Ну что, железяки, поплаваем? — нарушил молчание Каэль, поднимаясь и разминая шею с громким хрустом. — Надеюсь, в Аркс-Ноксе хорошее вино. Было бы обидно умереть трезвым.

Близнецы тут же подхватили свои сумки с метательным арсеналом. Лисса начала проверять флаконы на поясе, беззвучно шевеля губами — пересчитывала дозы нейротоксинов. Варг направился к выходу, вероятно, искать еду попрочнее.

Джонни остался стоять. Внутри него разгоралось знакомое пламя, но на этот раз оно ощущалось иначе. Балтазар. Демоническая сущность. Магия Огня Девятого имела природу вулкана, чистой геотермальной энергии. Но демонология — это иная материя. Хаос. Если его огонь коснется Ока, произойдет аннигиляция. Или слияние.

— Девятый.

Голос Четвертого прозвучал прямо за спиной. Джонни не слышал шагов. Вообще.

Сайлас стоял вплотную. Ростом он был чуть выше Джонни. Маска-полусфера смотрела прямо в переносицу Девятого. Джонни молча ждал.

Рука в черной перчатке поднялась. Сайлас отстегнул от своего пояса короткий клинок в ножнах и протянул его Джонни.

Это был не меч. Это был керамбит — изогнутый коготь из обсидиана, испещренный рунами абсолютного холода. Оружие ближнего боя для вспарывания брони и жил.

— Щиты гвардии Катрана режут ману, — голос Четвертого звучал механически, словно шел из-под земли. — Твой меч выдаст тебя тепловой вспышкой. Этим можно резать в тишине. Держи рядом с сердцем. Оно у тебя слишком горячее, замедлит пульс.

Джонни принял оружие. Обсидиан обжигал холодом даже сквозь перчатки. Руны слабо светились синим, вытягивая тепло из окружающего воздуха. Они стояли так секунду. Двое самых непонятных элементов системы. Инструмент разрушения и инструмент контроля.

— Вернись, — сказал Четвертый. Это было самое длинное предложение, которое Джонни слышал от него за пять лет совместной службы. — Мне нужен мой левый фланг.

Затем Сайлас развернулся и молча вышел из зала вслед за Варгом.

Джонни посмотрел на черный керамбит. Потом на свой «Плачущий», прислоненный к столу. Затем на карту Восточного архипелага. Океан. Железная коробка. Империя фанатиков. И Глаз Демона, ждущий своего часа на дне чужой столицы.

— Выступаем, — бросил он в пространство.

Маро и Кестрел первыми скользнули к выходу, растворяясь в тенях коридоров. Лисса последовала за ними, проверив последнюю ловушку на подоконнике. Горм, зевая так, что хрустнула челюсть, поднял свою огромную алебарду.

Каэль подошел к Джонни, уже стоящему у дверей. — Эй, факел, — сказал Первый тише обычного. — В прошлый раз, когда поминали Балтазара, половина континента ослепла. Постарайся не чихать, когда будем лезть в их сокровищницу.

— Постараюсь, — ответил Джонни. — Хотя твои шутки обычно вызывают у меня желание вызвать рвоту, а не чих.

Каэль искренне расхохотался, запрокинув голову, и хлопнул Девятого по наплечнику. — Вот за это я тебя терплю, Девятый. За честность.

Они вышли в коридор. Впереди маячила широкая спина Варга. Позади слышались легкие шаги Илвы. Пятый уже наверняка спускался в портовый коллектор, где базировался его подводный монстр.

Джонни накинул капюшон. Солнце окончательно село, погружая казарменный блок во тьму, разгоняемую лишь редкими магическими светильниками.

Спускаясь по винтовой лестнице во двор, где их ждали неприметные черные кареты без гербов, Джонни думал не о дворце Императора и не о подводных течениях. Он думал о словах советника Эхо в подземелье Валларда. *«Ты тоже инструмент. Просто тебе дали более красивую клетку»*.

Клетка стала еще теснее. Теперь она была сделана из давления толщи воды и политических интриг целого материка. Но цепи оставались прежними. Долг. Дисциплина. Необходимость удерживать ядро от взрыва.

Он сел в карету. Следом запрыгнул Каэль, уже жующий прихваченное со стола яблоко. За ними втиснулся Горм, отчего рессоры жалобно простонали.

Двери закрылись, отсекая последние звуки ночной столицы. Кучер шелкнул кнутом, и карета качнулась, начиная долгий путь к Южным Скалам, к океану и к войне, которой не должно было случиться.

Джонни откинулся на жесткую спинку сиденья, закрыл глаза и позволил магии внутри немного согреться. Дорога обещала быть долгой, а океан — очень холодным.

Глава 3. Тени на Границе

Граница с Вэйлисом пахла не гарью и потом, как арена Колизея, и не озоном подводных глубин Аркс-Нокса. Она пахла мокрой хвоей, прелой листвой и застарелым страхом.

Карета — обычная почтовая повозка без гербов Короны, скрипящая на каждом ухабе — остановилась у развилки трактов. Дальше дороги не было. Вернее, дорога была, но она вела в лес Мертвых Сосен, который местные называли просто «Трясина», хотя никакой трясины там отродясь не водилось. Деревья там росли так плотно, что солнечный свет никогда не достигал земли, а корни выпивали влагу из воздуха, оставляя его сухим и колким, как битое стекло.

Джонни спрыгнул на утрамбованную глину. За спиной хлопнула дверца — кучер, даже не обернувшись, щелкнул вожжами и погнал лошадей обратно к цивилизации. Девятый остался один.

Здесь, вдали от столицы, магия ощущалась иначе. Если в Дэмии потоки силы были упорядочены, заключены в рунные камни мостовых и защитные купола дворца, то здесь они текли дико. Лес сопротивлялся. Он давил на плечи невидимой тяжестью, словно пытался выдавить чужака со своей территории. Джонни сделал глубокий вдох. Воздух обжег легкие холодом. Внутри него привычно шевельнулся вулканический жар ядра, реагируя на внешнюю угрозу. Но Девятого это давление только отрезвляло. Оно напоминало о том, где заканчиваются правила и начинается выживание.

Он поправил лямки походного мешка. Вместо тяжелого цвайхендера «Плачущего» на спине висел простой пехотный бастард, завернутый в промасленную кожу. Никаких артефактных ножен, звенящих при ходьбе. Одежда сменилась с черного шелка Топ-10 на потертый кожаный дублет цвета дорожной грязи. На поясе вместо фиалов с эссенцией Феникса болтались связки сушеных трав и фляга с дешевым самогоном.

Элиан был краток перед отправкой: *«Официально ты мертв. Для Десятки ты в самоволке. Если тебя узнают — я отрекусь. Иди пешком. Слушай землю. Узнай, почему исчезают люди, и прекрати это. Желательно до того, как нам придется объявлять войну Вэйлису»*.

Форт «Последний Рубеж» открылся внезапно. Дорога сделала крутой поворот, обогнув скальный выступ, и Джонни увидел его. Не величественную крепость, которую рисуют на парадных гобеленах, а серую бетонную опухоль на теле леса. Стены форта были покрыты зеленоватым мхом, бойницы смотрели слепо и настороженно. Надвратная башня покосилась после недавнего оползня, который стража упорно называла «диверсией соседей».

Ворота были приоткрыты. Никакой стражи. Это было первым плохим знаком. Форт на границе двух королевств, находящихся в состоянии холодного мира уже полвека, должен кишеть солдатами. Здесь же стояла тишина, нарушаемая лишь карканьем ворон.

Джонни вошел внутрь.

Двор форта пустовал. Несколько телег стояли брошенными посреди грязи, колеса одной из них увязли по самую ось. Рядом валялось распряженное дышло. Посреди двора чернело кострище, полное мусора, который забыли сжечь. Возле колодца лежало перевернутое ведро. Обычная картина заброшенного места, если бы не одно «но»: дверь в казарму была подперта изнутри тяжелым бревном, а из щелей тянуло сладковатым запахом разложения.

— Эй! Есть живые? — крикнул Джонни, оставаясь в тени арки ворот.

Его голос утонул в камне. Эхо вернулось искаженным, пришепetyвающим, словно кто-то повторил фразу прямо ему на ухо. Волоски на затылке встали дыбом. Магия внутри заворочалась, готовясь вырваться сквозь поры кожи, но Джонни удержал ее. Жар сейчас выдаст его раньше времени.

Из-за угла кузни медленно вышел человек. Ополченец. Кожаный панцирь расстегнут, рубаха залита чем-то темным. В руках он сжимал ржавый тесак. Его лицо... лица почти не

было. Кожа приобрела восковой, желтоватый оттенок, глаза закатились так, что видны были только белки, покрытые сеткой лопнувших сосудов. Губы были искусаны в кровавые лохмотья.

Ополченец издал горловой звук — не стон и не рычание, а нечто среднее — и бросился вперед. Неловко, дергано, высоко задирая колени. Так бегают марионетки с перепутанными нитями.

Джонни не стал доставать меч. Он шагнул вбок, пропуская безумца мимо себя, и нанес короткий удар ребром ладони по основанию черепа. Хрустнули позвонки. Солдат рухнул лицом в грязь, пару раз конвульсивно дернул ногами и затих.

Девятый присел рядом. Проверил пульс. Жива. Сердце билось, но ритм был рваным, хаотичным. Он принялся к шее солдата. Запах болезни перебивал запах пота. Это не яд. Это не проклятие классического толка — тогда бы остались следы эктоплазмы или темные пятна скверны. Это выглядело как... лихорадка. Белая горячка невероятной интенсивности, сожравшая разум человека за считанные часы.

Звук удара заставил его вскинуть голову. Из окна надвратной башни вылетела табуретка. Раздался мат, полный такой первобытной ярости, какой Джонни не слышал даже от пьяных грузчиков в порту.

— Назад, ублюдки! Я еще могу проломить череп любому, кто сунется! — проорал сорванный мужской голос.

Джонни подошел к двери казармы. — Меня зовут... меня послал король Элиан, — сказал он, стараясь говорить обыденно. — Вытащите брус.

За дверью воцарилась тишина. Затем раздался скрежет. Бревно откатилось в сторону. Дверь приоткрылась на длину толстой железной цепи. На Джона уставился черный зрачок арбалета. Вслед за ним показалось лицо. Мужское, заросшее седой щетиной, с глубоким шрамом через всю левую щеку. Глаз смотрел ясно, цепко. Безумия в нем не было. Только загнанное отчаяние матерого волка, запертого в яме. — Докажи, — прохрипел стрелок.

Джонни молча протянул руку. На среднем пальце блеснуло кольцо. Простое серебряное кольцо-печатка с выгравированным фениксом. Такие носили офицеры связи Королевской Гвардии для запечатывания приказов. То, что оно оказалось у Девятого, означало высший уровень полномочий. Арбалет чуть опустился. Цепь звякнула, втягиваясь внутрь.

Внутри казармы воняло хуже, чем снаружи. Смесь хлорки, дешевого спирта и гниющей плоти. Помещение освещалось единственной масляной лампой, фитиль которой был прикручен почти до минимума. Свет выхватывал из полумрака фигуры людей. Их было семеро. Четверо жались к дальней стене, вооруженные кухонными ножами и пожарными топорами. Еще двое сидели на полу, привалившись к койкам, бледные, дрожащие в лихорадке.

Седой закрыл дверь, задвинул брус и тяжело оперся на стол, заваленный картами. — Ты вовремя, парень, — сказал он, разглядывая простую одежду Джонни. — Мы думали, нас списали вместе с фортом. Капрал Реннет. Командир гарнизона. Был командиром. Теперь тут командует чума.

— Что произошло? — спросил Джонни, снимая капюшон. Ламповый свет упал на его лицо, на старый шрам брови. Реннет моргнул, узнавая черты одного из самых известных лиц королевства, но удивление никак не отразилось на его лице. Пограничники видели слишком много смертей, чтобы удивляться появлению легенды.

— Три дня назад прибыл обоз из Столицы, — Реннет кивнул на дальний угол, где грудой тряпья лежали тела, накрытые брезентом. — Два интенданта и лекарь. Привезли жалованье и депешу. Сказали усилить патрулирование вдоль реки Быстрая. Там, где туман каждое утро стоит стеной.

Капрал взял со стола помятую оловянную кружку, понюхал, скривился и отбросил. — Первый патруль ушел утром. Вечером вернулся один рядовой. Босиком. Без оружия. Сидел на карачках у ворот и улыбался. Улыбался так широко, что губы порвались до ушей. А потом

начал рвать себе ногтями горло. Выцарапал кадык, пока мы пытались его удержать. Кровь хлестала, а он все смеялся.

Реннет провел рукой по лицу, размазывая сажу. — Мы решили, что вода отравлена. Перекрыли резервуар. Перешли на дождевую. Второй патруль ушел вчера. Лейтенант Карс — лучший следопыт на десять лиг вокруг. Нашли сегодня утром. Он прибил самого себя своим же копьем к сосне. Спереди. Чтобы сделать это, ему пришлось пробить себе грудь собственным весом. Третий... третий пошел час назад. Мой сержант. Вышел проверить посты и не вернулся.

— Остальные? — Джонни обвел взглядом притихшую казарму. — Начинается жар, — глухо ответил один из бойцов у стены. Молодой парнишка, лет восемнадцати, не больше. Его трясло крупной дрожью. — Сначала болит голова. Потом кажется, что кожа чешется изнутри. Потом начинаешь слышать голоса. Они говорят... приятное. Обещают отдых. Силу. Говорят, что Король нас бросил. Последнее, что хочется делать — это служить. Хочется выйти... туда. Навстречу лесу.

Джонни посмотрел на двоих больных. Один сидел, раскачиваясь и монотонно бормоча цифры в обратном порядке. Другой лежал на полу, крепко привязанный ремнями к ножкам кровати. Его руки были обмотаны тряпками — он успел отгрызть себе два пальца до того, как его скрутили.

Это не болезнь. Болезнь не может заставить здорового мужчину пробить себе грудь копьем. Это ментальное вторжение. Но какое? Илва (Седьмая) могла переписывать память, Каэль (Первый) рвал саму ткань реальности, а этот враг действовал тоньше. Он не ломал волю. Он предлагал сделку. Он шептал то, чего человек боялся больше всего — правду о собственной ничтожности. И когда жертва соглашалась, тело выполняло последний акт освобождения самым жестоким способом.

— Где река? — спросил Джонни. — Полмили на север. Через старую просеку, — Реннет ткнул пальцем в карту. — Там брод. Но последние две недели никто не возвращается оттуда прежним. Даже вороны перестали летать над тем берегом.

— Почему не послали вестового напрямую через лес? — Попробовали. Двое. Одного нашли висящим на ветке вниз головой. Он был голый, а вся его одежда была сплетена из его собственных волос. Идеально ровное плетение. Второго вообще не нашли. Только сапоги. Стояли ровно посреди тропы. Шнурки завязаны бантиком.

Джонни почувствовал, как температура в комнате начала расти. Не физически — дерево стен не нагрелось. Но само пространство стало густым, вязким. Ядро отозвалось пульсацией. Кто бы ни стоял за этим, он использовал силу, резонирующую с Хаосом. Древнюю, иррациональную. Ту, что питается не маной, а человеческим ужасом и безумием.

— Сколько осталось здоровых? — спросил Джонни, глядя на капрала. — Я, трое способных держать оружие и мальчишка, — Реннет кивнул на парня, которого продолжало трясти. — Но пацан свалится к ночи. Я тоже чувствую зуд. Значит, моя очередь завтра.

— Собирайте вещи, — приказал Джонни. — Еда, вода. Оставьте медикаменты больным. Им они уже не помогут. Вы уходите в столицу. Сейчас.

Реннет выпрямился. Ростом он едва доставал Джонни до плеча, но весил, должно быть, раза в полтора больше — сплошные жилы и старая кость. — Приказываешь дезертировать, Девятый? — в голосе капрала лязгнула сталь. — На моем жетоне присяга. Я остаюсь здесь. Это мой пост.

— Ваш пост превратился в могилу, — ровно ответил Джонни. — Вы станете следующим. Мне нужен проводник на ту сторону реки. Тот, кто знает каждую кочку на этом берегу. Вы пойдете со мной. Остальных выведет Лисса.

При упоминании Восьмой солдаты переглянулись. Имя мастера ядов действовало лучше любого приказа. Если пришла Лисса — значит, дело действительно касается конца света, и спорить бесполезно.

— Как мы пройдем мимо... этого? — спросил молодой боец, кивая на связанных сумасшедших. Один из них вдруг поднял голову и посмотрел прямо на Джонни. Абсолютно белыми глазами. Рот растянулся в беззвучной улыбке.

Джонни встретился с ним взглядом. Давление чужой воли ударило по щитам сознания, как таран. Голоса. Обещания покоя. Образы огня, пожирающего дворец Элиана. Видение собственного клинка, входящего в горло короля. Желание снять маску, сбросить долг и просто раствориться в пламени... Девятый моргнул. Медленно. Картинка рассыпалась. Он перевел взгляд на свой кулак. Костяшки побелели. Ему потребовалось усилие, чтобы расслабить пальцы.

— Я их задержу, — сказал Джонни.

Они вышли через пять минут. Реннет нес тяжелый пехотный щит и фальшион. Трое солдат замыкали процессию, постоянно оглядываясь. Мальчишка шел вторым, опираясь на копье, как на костыль. Его лицо блестело от пота.

Лисса догнала их уже у самой кромки леса. Она двигалась бесшумно, сливаясь с тенями. В руке она держала небольшой сверток. — Я дала им успокоительное, — сказала она тихо, обращаясь к Джонни. — Смешанное с вытяжкой дурмана. Они уснут навсегда через полчаса. Чистая смерть. Лучше, чем разорвать себе гортань зубами.

— Спасибо, Восьмая, — кивнул Джонни.

Лисса внимательно посмотрела на него. Ее змеиные глаза заметили напряжение в челюсти Девятого. — Держи свои внутренности в узде, Огонь, — прошипела она. — От тебя несет гарью за милю. Если эта тварь питается эмоциями, ты для нее — пир на сто персон. Успокой свое ядро.

Она развернулась и скользнула обратно к казарме. Вскоре оттуда донесся тихий, едва различимый хруст стекла — Лисса разбивала ампулы с более агрессивными токсинами в вентиляцию здания. Милосердие Восьмой всегда пахло миндалем и смертью.

Лес встретил их сыростью. Листва здесь была черной, покрытой липким налетом. Ветви переплетались над головами, создавая туннель. Солнечный свет сюда не проникал вовсе. Идти приходилось практически на ощупь.

— Брод в низине, — буркнул Реннет, прорубая путь коротким тесаком. — Там туман лежит даже в полдень. Местные называют его «Дыханием Старика». Говорят, в нем живут души утопленников.

Чем ближе они подходили к реке, тем тяжелее становился воздух. Он вибрировал. Низкочастотный гул, от которого ныли зубы и крошилась эмаль. Джонни чувствовал, как этот звук входит в резонанс с его собственной кровью.

Деревья расступились резко. Они вышли на каменистый берег Быстрой. Вода в ней была неестественно черной, маслянистой. Ни бликов, ни ряби. словно поток жидкого обсидиана. А над водой стелился туман. Плотный, белый, как парное молоко. Он скрывал противоположный берег полностью. Лишь верхушки самых высоких елей едва проступали сквозь белую пелену, похожие на черные иглы.

Солдаты замерли. Даже закаленный Реннет сглотнул, перехватив щит удобнее. — Дальше идем по камням, — хрипло сказал капрал. — По пояс в воде. Главное — не касаться поверхности ладонями. Старая ведьма с той стороны говорила, что река пьет прикосновения.

— Ждите здесь, — приказал Джонни. — Если через час не выйду с той стороны — возвращайтесь в форт, добивайте оставшихся и взрывайте погреб. Война с Вэйлисом будет меньшим злом.

Не дожидаясь ответа, он ступил в воду.

Холод пронзил ноги до костей. Это был не обычный холод осенней реки. Это был холод глубокого склепа, вымораживающий саму душу. Джонни сделал шаг глубже. Вода доходила до колен. Дно было устлано острыми камнями, скрытыми под слоем ила.

Как только он пересек линию берега, звуки леса исчезли. Поглощенные туманом. Наступила абсолютная, давящая тишина. Даже плеска воды слышно не было, хотя его сапоги должны были поднимать брызги. Звук умер.

Иллюзия. Или пространственная аномалия. Джонни положил руку на рукоять бастарда. Рукоять показалась ледяной, чужеродной. Тепло его тела отказывалось передаваться металлу.

Он прошел половину пути. Черная вода дошла до пояса, прижимая тяжелую куртку к телу. Впереди, в трех шагах, туман стал странно клубиться. Сквозь белые пряди проступил силуэт.

Это была женщина. Молодая, одетая в простое платье дочери лесника. Мокрые волосы облепили бледное лицо. Она стояла по колено в черной воде, хотя глубина здесь должна была скрывать ее с головой. Женщина смотрела на Джонни пустыми глазницами, из которых сочилась та же черная жидкость, что составляла реку.

— Ты устал, Джонни, — сказала она голосом матери Девятого. Тем самым, мягким и теплым, который он помнил из раннего детства, до того как генерала Паттерсона отправили на фронт. — Положи меч. Вода теплая. Приляг. Закрой глаза. Никто не потребует от тебя сжигать себя ради других. Просто отдохни.

Ментальная атака. Классическая. Использование образа привязанности. Любой другой воин дрогнул бы. Почувствовал соблазн сбросить броню, которая вечно жжет кожу, и позволить тьме забрать боль.

Но Джонни видел трупы в форте. Он видел, как люди выворачивали собственные суставы, подчиняясь таким вот ласковым голосам. Голос звучал правильно. Интонации, тембр, материнская забота. Но мозг Девятого работал как вычислительная машина. Мать умерла двенадцать лет назад от грудной лихорадки. Ее последними словами были мольбы о воде, а не приглашение искупаться в мертвой реке. Кроме того, физику обмануть сложнее, чем разум. Женщина стояла в воде, не погружаясь. Туман не реагировал на движение воздуха от ее дыхания.

— Неплохая попытка, — ровно сказал Джонни. — Но моя мать ненавидела воду. Она не умела плавать.

Он шагнул вперед, намеренно проходя сквозь иллюзию. Силовое поле сопротивления встретило его плечо. Плотное, упругое, как натянутая кожа барабана. Джонни вложил в толчок немного магии — не огня, а чистой кинетики.

Иллюзия взорвалась тысячей черных капель и истошным визгом, переходящим в ультразвук. Звуки вернулись мгновенно. Рев реки, шум ветра в черных ветвях и испуганный крик Реннета с берега.

Туман перед Джонни расступился.

Берег Вэйлиса встретил его точно такими же камнями. Но земля здесь была другого цвета. Серо-черная, спекшаяся корка, похожая на шлак. Трава пожелтела не от осени, а от химического ожога.

Над этим берегом туман редел. Сквозь него проглядывали очертания старой сторожевой вышки. Той самой, что числилась на картах как «Объект Зеро» — заброшенная еще во времена прадеда нынешнего короля. Вышка не выглядела заброшенной. На верхней площадке горел зеленый огонь. Холодный, призрачный, не дающий тепла.

Джонни выбрался на берег. Сапоги погрузились в мягкую, жирную почву. Он оглянулся. Река позади снова стала гладкой и черной. Призывов вернуться не последовало. Враг понял, что стандартный набор страхов на него не действует. Теперь начнется игра всерьез.

— Подтверждаю присутствие на вражеском берегу, — тихо произнес Джонни в воротник. Устройство связи, имплантированное под кожу шеи капитаном Пятым, работало на коротких дистанциях. — Продвигаюсь к цели. Будьте готовы закрыть границу огнем, если я потеряю контроль. *«Принято, Девятый. Температура твоего ядра повышена на три градуса. Дыши.*

Контролируй выдох», — механический голос Пятого в голове был единственным островком здравомыслия в этом царстве абсурда.

Джонни двинулся к вышке. Каждый шаг давался с трудом. Земля пружинила, пытаясь схватить за ноги. Из-под корней деревьев поднимался сизый дымок. Когда Джонни случайно наступил на упавшую ветку, она рассыпалась в пыль, издав звук, похожий на человеческий стон.

У подножия вышки лежал пограничный столб Дэмии. Он был расколот пополам. Верхняя часть отсутствовала. Вместо нее из расщепленного дерева торчал человеческий позвоночник, насаженный на железный штырь. Череп, прикрепленный сверху, был отполирован до блеска.

Кто-то здесь поклонялся боли.

Джонни обошел жуткий тотем. Прислушался. На вышке — три источника жизни. Один внизу, у лестницы. Два наверху. Все они излучали странное спокойствие. Ни страха, ни агрессии. Пустота.

Он начал подъем по скрипучим ступеням. Дерево под ногами было влажным и скользким. На высоте второго этажа лестница закончилась провалом — ступени просто вырвали с мясом.

Джонни посмотрел вверх. До площадки оставалось около десяти футов. Прямо над его головой из досок торчал крюк. На таких обычно подвешивают туши скота. Идеальная точка опоры.

Джонни снял плащ, свернул его и закрепил на поясе. Достал из набедренных ножен керамбит Четвертого. Обсидиановый коготь лег в ладонь идеально. Он зацепил кончиком лезвия грубую веревку, свисающую с балки выше, проверил натяжение и прыгнул.

Подъем занял три секунды. Удар ногой о стену, захват веревки левой рукой, замах правой — и керамбит глубоко вошел в потолочную балку площадки. Мышцы спины и плеч взвыли от нагрузки, но выдержали. Спустя мгновение Джонни подтянулся и перекатился через край платформы.

Площадка представляла собой круг диаметром пятнадцать футов. Посередине горел тот самый зеленый огонь — в медном треножнике пылала какая-то слизь. Вокруг огня, образуя правильную пентаграмму, сидели пятеро.

Мужчины и женщины. Одетые в остатки формы гвардии Вэйлиса и Дэмии вперемешку. Они сидели на голых досках, скрестив ноги, совершенно обнаженные. Их кожа была покрыта сложными символами, вырезанными ножом. Свежими, кровоточащими. Но кровь не капала вниз. Она собиралась в воздухе над ними мерцающим багровым туманом.

Один из сектантов повернул голову. Это был лейтенант Карс, лучший следопыт форта «Последний Рубеж». Его лицо было абсолютно спокойным. — Ты пришел посмотреть на Совершенство, Девятый? — спросил он. Его голос звучал чисто, без малейшего признака безумия. — Мы наконец-то поняли суть. Боль — это замок. Агония — ключ. Когда разрушаешь сосуд, дух выходит наружу. Свободный.

Остальные четверо открыли глаза. Белые, незрячие. Они начали раскачиваться в такт какому-то неслышимому ритму. Багровый туман над ними сгустился, формируя спираль.

Джонни встал в боевую стойку. Бастард покинул ножны с шелестящим вздохом. — Суть свободы в том, чтобы выбирать, — сказал Джонни, чувствуя, как нагревается воздух вокруг него. — Вы выбрали стать удобрениями для этой плесени. Исправляю вашу ошибку.

Зеленый огонь в треножнике вспыхнул, устремляясь ввысь столбом изумрудного пламени. Пентаграмма засветилась. Багровый туман ринулся к Джонни, принимая форму копий.

Первая фаза боя прошла в тишине. Джонни танцевал между алыми шипами, используя геометрию площадки. Шаг влево, уклон, выпад. Бастард рассек первое копьё, превратив его в безвредный дым. Второе прошло в дюйме от лица, опалив брови.

Сектанты не двигались с мест. Они управляли туманом силой мысли, вкладывая в конструкции свою жизненную силу. Каждое созданное копьё делало символы на их коже глубже, а дыхание — реже.

Джонни перешел в наступление. Он не мог достать их, не разрушив защиту. Он крутанул «Плачущий» над головой. Каналы в мече заполнились плазмой. Раскаленный пар с шипением вырвался наружу.

— Выходите из круга, — предупредил Джонни. — Иначе сгорит и замок, и ключ.

Лейтенант Карс улыбнулся. — Нам не нужна плоть, Вестник Пепла. Нам нужно зеркало.

Внезапно Джонни почувствовал тошнотворный рывок. Мир вокруг смазлся. Платформа вышки исчезла. Он стоял посреди огромного зала. Мраморного, инкрустированного золотом. В кресле сидел король Элиан. А напротив короля, на троне Нулевого, восседал Артур Проклятый.

Артур посмотрел на Джонни. Его лицо состояло из живого огня и трещин. *«Ты думал, служишь закону?»* — прозвучал голос в голове Джонни. — *«Ты греешь кресло для меня. Сбрось оковы, Девятый. Стань Нулевым. Настоящим».*

Иллюзия дрогнула. Джонни почувствовал реальную боль — один из сектантов на реальном плане сумел пробить его ментальную защиту, пока разум блуждал в видениях. Огонь внутри отреагировал на попытку взлома мгновенно. Не сдерживаемый волей, чистый гнев Девятого вырвался наружу.

Воздух на площадке вышки перестал существовать. Вспышка белого, ядерного жара превратила зеленый огонь, багровый туман и всех пятерых сектантов в пепел за долю секунды. Треножник испарился. Деревянный настил пола занялся пламенем снизу доверху.

Джонни упал на одно колено, зажимая бок. Иллюзия отступила, оставив металлический привкус во рту. Реальность вернулась: едкий запах горелой плоти, треск огня и ветер, гуляющий в открытых проемах вышки.

Он поднялся. Пентаграмма была уничтожена. Цель миссии находилась здесь. В центре бывшего костра, среди пепла, лежал предмет. Небольшой кристалл размером с голубиное яйцо. Он пульсировал тусклым фиолетовым светом, игнорируя ревущее вокруг пламя.

Джонни подошел, наклонился и поднял его двумя пальцами. Кристалл был ледяным.

Внизу, под вышкой, раздался треск. Горящие доски начали рушиться. Огонь быстро распространился по сухому дереву.

Джонни спрятал кристалл во внутренний карман, где лежал флакон Эссенции Феникса. Огонь лизнул его сапоги. Температура поднялась до критической. Ядро готово было перегреться от такого количества внешней энергии.

Он подошел к краю площадки. До земли — двадцать футов. Ниже — колья из обломков забора.

— Пятый, — прохрипел он в микрофон. — Открывай окно. Координаты моей метки. Живо. *«Расчет траектории... Готово. У вас три секунды, Девятый. Портал нестабилен из-за атмосферного давления Вэйлиса».*

Джонни разбежался по горящему кругу и прыгнул спиной вперед, прямо в центр зеленого пламени, которое каким-то чудом еще теплилось в пепле.

Пространство схлопнулось. На секунду мир превратился в бесконечную трубу из зубастых шестеренок и криков тех, чьи тела остались на дне Быстрой. Затем последовал удар.

Он выкатился на каменный пол. В рот «Последнего Рубежа». Реннет и солдаты вскинули оружие, но, увидев фигуру Девятого, целой и невредимой (если не считать прожженной штанины), опустили фальшионы.

Джонни сел, тяжело дыша. В ушах звенело. Левая рука онемела. Он достал кристалл. Кристалл больше не был ледяным. Он пульсировал в такт его сердцу. И в его фиолетовой глубине медленно открывался вертикальный зрачок.

— Похоже, гости придут не только со стороны Вэйлиса, — прошептал Джонни, глядя в нечеловеческий глаз. — Кажется, мне пора возвращаться в клетку. Нужно предупредить остальных. Балтазар начинает просыпаться.

Глава 4. Легенда Вэйлиса

Обратный путь через реку Быстрая Джонни проделал бегом.

Туман на этот раз не шептал и не показывал иллюзий. Он просто давил. Черная вода, в которой отражалось серое небо Дэмии, казалась густой смолой, сопротивляющейся каждому шагу. Кристалл во внутреннем кармане жег кожу сквозь плотную ткань куртки и слой асбестовой подкладки. Он больше не пульсировал фиолетовым — теперь внутри него бился ровный, тяжелый ритм, похожий на сердцебиение спящего левиафана. Зрачок в глубине камня сузился до вертикальной нити, но Девятый чувствовал на себе его взгляд.

Он выбрался на свой берег, когда солнце уже начало клониться к закату, окрашивая верхушки Мертвых Сосен в цвет запекшейся крови. Реннет ждал его у кромки воды, опираясь на фальшион. Лицо капрала осунулось за эти несколько часов, лихорадочный румянец проступил ярче. — Вышка? — хрипло спросил он. — Пепел, — ответил Джонни, тяжело дыша. Пар вырывался из его рта облачками, хотя вечер был относительно теплым. Ядро работало на износ, сжигая токсины реки и последствия ментального удара с вышки. — Забирай людей. Уходите по южной тропе. Не останавливайтесь, даже если услышите шаги позади. Если это буду я — догоню. Если нет — молитесь Элиану.

Реннет хотел возразить, открыть рот для очередного «дезертирства», но посмотрел в глаза Девятого и промолчал. Капрал видел достаточно, чтобы понимать: сейчас перед ним стоит не элитный убийца Короны, а человек, удерживающий что-то запредельное голыми руками.

— Да, милорд, — только и сказал Реннет, после чего махнул рукой трем выжившим солдатам. Те, пошатываясь от страха и подступающей болезни, побрели прочь от границы, вглубь территории Дэмии.

Джонни остался один. Он отошел от берега на полсотни шагов, туда, где начиналась старая пограничная просека. Здесь деревья росли реже, образуя идеальный коридор для засады. Идеальное место для встречи, которую ему подготовили.

Воздух впереди задрожал, искажаясь, как над раскаленным асфальтом. Запах озона ударил в ноздри, перебивая вонь гниющего леса. Пространство треснуло беззвучно. Из пустоты шагнули они.

Их было пятеро. Они не вышли из-за деревьев и не спустились с неба. Они просто возникли там, где секунду назад была лишь игра света и тени. Элитные маги Вэйлиса. Стражи Границы.

В отличие от стражников форта или безумных сектантов с вышки, эти люди двигались с пугающей грацией хищников. На них не было тяжелой брони — только легкие мантии из ткани, напоминающей застывший дым. Оружия при них не наблюдалось. Оно им не требовалось.

Центральная фигура сделала шаг вперед. Высокий, худощавый мужчина с волосами цвета расплавленного серебра. Его лицо было лишено возраста — ни морщин, ни юношеской гладкости, словно высеченное из лунного камня. Глаза же... глаз не было. Вместо радужек клубилась серебристая метель, заключенная в ледяную корку век.

Ксилар. Ледяной Призрак. Сказка, которой матери в Вэйлисе пугали непослушных детей. Полководец, остановивший продвижение легионов Дэмии пятьдесят лет назад в Битве Ста Тысяч Морозов, превратив равнину в кладбище хрустальных статуй. Официально считалось, что он ушел в добровольное изгнание в Хрустальные Шпили.

Оказалось, он просто сменил фронт.

— Девятый, — голос Ксилара звучал без интонаций, словно шелест снега по стеклу. — Король Элиан держит тебя на коротком поводке. Но сегодня ты перегрыз цепь. Принес то, что принадлежит нам.

— Это собственность Короны Дэмия, — ровно ответил Джонни, кладя руку на рукоять бастарда. Теплый металл привычно отозвался вибрацией. — И останется здесь.

Ксилар едва заметно улыбнулся. Уголки его губ дрогнули, но глаза-буран остались неподвижными. — Собственность? Как пафосно. Вы называете осколок чужого сознания собственностью. Мы называем его Свободой. Отринь жар, мальчик. Смотри.

Лидер магов Вэйлиса поднял правую руку. На его ладони лежала снежинка. Одна-единственная, безупречной формы. Она медленно вращалась, вопреки законам гравитации и отсутствию ветра.

Джонни почувствовал изменения мгновенно. Температура воздуха упала резко. Не осенним холодом, а абсолютным нулем. Вода в лужах на просеке покрылась коркой льда, которая начала стремительно расширяться, треща и поглощая грязь. Листва на ближайших деревьях замерзла прямо на ветвях, превращаясь в стеклянные кинжалы.

Но самым страшным было другое. Магия Огня внутри Джонни завывала. Давление ядра попыталось компенсировать падение температуры взрывным выбросом тепла. Обычно пламя рвалось наружу легко, отвечая на малейший импульс воли. Сейчас же оно вязло. Жар встречал невидимую стену. Холод Ксилара не боролся с огнем — он *отрицал* саму возможность горения. Он вымораживал пространство так глубоко, что кислород переставал поддерживать реакцию.

Это была не стихийная магия. Это была физика иного порядка.

— Твой огонь гаснет, Девятый, — прошелестел Ксилар. — Потому что пепел не может гореть.

Снежинка сорвалась с его ладони.

Она не полетела по дуге. Она исчезла в одной точке пространства и появилась в другой — прямо между бровей Джонни.

Время замедлилось. Девятый видел молекулярную структуру этой крошечной ледяной звезды. Это был не замерзший пар. Это были упорядоченные кристаллы чистой энтропии.

Джонни упал на колено, вбивая кулак в землю. Земля вокруг него вспыхнула. Волна жидкого пламени радиусом в десять футов вырвалась из точки удара, плавя камни и мгновенно испаряя налетевший лед. Воздух взревел. Деревья по краям просеки превратились в угольные столбы.

Жар Девятого столкнулся с полем отрицания Ксилара. Две силы замерли в хрупком равновесии в трех дюймах от лица Джонни. Снежинка энтропии пыталась заморозить сам свет, исходящий от плазмы, а ядро Девятого пыталось прожечь дыру в реальности, чтобы избавиться от паразита.

По лицу Джонни градом катился пот, тут же испаряясь. Левый глаз залило кровью — капилляры в глазном яблоке лопнули от колоссального перепада давления. Зубы заныли от вибрации.

— Хорошая вспышка, — прокомментировал Ксилар, делая пасс левой рукой. — Но бесполезная. Ты тратишь себя впустую.

Остальные четверо магов пришли в движение. Их фигуры размазались в воздухе. Они не использовали порталы или ускорение тела. Они скользили между тенями, игнорируя законы массы.

Первый атакующий возник справа. Молодая женщина с двумя клинками из синего стекла. Ее движения были математически точны. Она не целилась в тело Джонни — она целилась в суставы, в места крепления мышц, пытаясь обездвижить.

Девятый встретил ее восходящим ударом «Плачущего». Меч рассек воздух, оставляя за собой шлейф белого пара. Женщина ушла перекатом, который выглядел физически невозможным для человеческого позвоночника. Клинки свистнули, метя в подколенные сухожилия.

Джонни подпрыгнул, используя реактивную тягу собственного жара. Он взлетел на три фута вверх, отталкиваясь от воздуха, уплотнившегося под воздействием магии Огня. Позади него, там, где он стоял секунду назад, земля взорвалась гейзером черного льда.

Приземляясь, он крутанулся на месте. Бастард описал широкий полукруг. Обычный воин потерял бы баланс после такого замаха, открыв бок. Джонни использовал инерцию меча, чтобы развернуть корпус еще сильнее, вкладывая вес всего тела в горизонтальный удар.

Второй маг — массивный бородач в рогатом шлеме — попытался принять удар на наруч. Руническая сталь защиты зазвенела, покрываясь сетью трещин от чудовищной температуры лезвия. Бородач крикнул, отступая, но его напарница воспользовалась моментом.

Ее стекло-клинок вошел точно в стык между нагрудником и плечевой пластиной импровизированной брони Девятого. Боли почти не было — адреналин и жар ядра блокировали нервные окончания. Но рука онемела. Кровь хлынула горячая, слишком горячая, обжигая собственную кожу.

Джонни рыкнул. Он выпустил «Плачущего» из раненой руки, позволяя ножам на спине поймать рукоять, и впечатал ладонь в грудь женщины-мага.

Это не был удар ки. Это был направленный микровзрыв. Манифестация чистого термического импульса. Плоть, кости и органы внутри грудной клетки противницы мгновенно вскипели. Звук был тошнотворным влажным хлопком. Женщину отбросило на двадцать футов назад, швырнув сквозь ствол молодого дуба, который рассыпался в труху. Она осталась жива — регенерация магов высокого ранга феноменальна — но бой для нее был окончен. Она свернулась на земле, пытаясь собрать свои внутренности обратно.

Трое оставшихся окружили его треугольником. Ксилар все это время стоял неподвижно, лишь слегка шурясь от невыносимого жара, исходящего от Девятого. Снежинки мелкого инея оседали на его ресницах.

— Ты силен, — констатировал Призрак. — Почти Нулевой уровень. Но твоя сила линейна. Ты умеешь только разрушать. А мы умеем переписывать правила.

Бородач в шлеме ударил первым. Он топнул ногой. По земле пошла волна ряби, словно вода в луже. Эта рябь достигла Джонни.

Мир перевернулся.

Гравитация не исчезла. Она сменила вектор. Для Джонни «низ» внезапно оказался сзади. Невидимая сила припечатала его спиной к тому, что мгновение назад было вертикально стоящим стволом сосны. Теперь дерево стало полом. Небо оказалось внизу — далеким темным провалом.

Магия земли? Нет. Илва (Седьмая) могла манипулировать восприятием, но это ощущалось иначе. Это было прямое изменение локального пространственного континуума. Ксилар и его отряд стояли нормально, их гравитация оставалась прежней. Только сфера радиусом в тридцать футов вокруг Джонни была вывернута наизнанку.

Девятый повис вниз головой, прижатый к стволу невидимым прессом весом в несколько тонн. Кровь прилила к голове, вызывая головокружение. Рана на плече открылась шире, и горячая кровь потекла по лицу прямо в глаза.

«Плачущий» висел в воздухе рядом с ним, зажатый в новой системе координат. Попытка дотянуться до него вызвала спазм в позвоночнике — кости протестовали против нагрузки, на которую не рассчитаны мышцы.

— Знаешь, почему нас называют Тенями Вэйлиса? — Ксилар сделал шаг. В мире, где низ был сзади, он просто шагнул по воздуху и оказался лицом к лицу с висящим Джонни. — Потому что мы живем в щелях между законами Творца.

Он протянул руку. Между пальцев Ледяного Призрака формировался не клинок и не шар энергии. Формировалась игла. Тонкая, длинная, острая как мысль. Сделанная из материала, которого не существовало в природе — из сжатого вакуума.

— Я не убью тебя, — прошептал Ксилар. — Убийство Девятого вызовет слишком много шума. Я заберу твой дар. Заморожу каналы твоего ядра. Ты останешься жить. Будешь помнить, каково это — держать внутри себя солнце, но никогда больше не сможешь согреть даже собственные ладони. Станешь идеальным экспонатом в нашей кунсткамере.

Игла коснулась ключицы Джонни. Холод, который она несла, был глубже смерти. Это было отсутствие бытия. Девятый почувствовал, как кожа в точке касания начинает крошиться, превращаясь в пыль. Игла должна была войти внутрь, найти средоточие ядра и залить его жидким азотом абсолюта.

Внутри Джонни что-то щелкнуло.

Не воля. Разум сейчас был затуманен болью и дезориентацией. Щелкнула пружина выживания. Та часть его души, что десятилетиями сдерживала вулканическое давление, осознала простую истину: если продолжать удерживать ядро в узде, оно станет его могилой. Правила игры изменились. Противник играл вне физики. Значит, физику нужно отменить.

Джонни перестал дышать. Перестал пытаться бороться с гравитацией. Он позволил своему телу полностью расслабиться, обвиснув на невидимых оковах.

А затем открыл шлюзы.

Обычно он выпускал тепло порциями, формируя техники. Сейчас он снял предохранители целиком. Вся боль, весь страх, вся ненависть к этому лесу, к этим лицам, к клетке долга — всё это топливо устремилось в реактор.

Ядро взорвалось. Не снаружи — внутри.

Температура в эпицентре скачком поднялась до значений, сопоставимых с фотосферой звезды. Но это был не управляемый огонь. Это был неконтролируемый термоядерный синтез.

Пространственный захват бородача держался на тонкой настройке полей. Когда температура окружающей среды превысила точку плавления алмаза, сама структура заклинания аннигилировала. Законы физики, которые пытался искривить маг Вэйлиса, просто перестали существовать в этом коконе сверхплотной плазмы.

Эффект был мгновенным.

Невидимый пресс исчез. Гравитация со злорадным лязгом вернулась к стандартному значению «вниз».

Джонни рухнул спиной на землю (теперь это снова была земля), сбив дыхание. Но вместе с ним на то же самое место, прямо сверху, обрушился его собственный бастард, разогнанный упавшей системой координат до скорости пушечного ядра.

Сталь встретила броню. «Плачущий» пробил зачарованный нагрудник бородача, вошел по самую крестовину в грудную клетку и вышел через спину, пригвоздив мага к той самой сосне, с которой только что свалился Джонни. Древесина зашипела, принимая в себя две сотни килограммов кипящей крови и расплавленного металла.

Бородач умер раньше, чем понял, что произошло. Его ноги пару раз дернулись в предсмертной агонии, и он замер, став жутким памятником собственной геометрии.

Двое других магов шарахнулись в стороны, закрываясь щитами. Воздух дрожал от остаточного жара. Джонни лежал на спине, глядя в серое небо. Его собственная грудная клетка была раздроблена падением тяжелого меча. Легкие схлопнулись. Несколько ребер прорвали плевру. Сердце билось в опасной аритмии, захлебываясь скопившейся в перикарде жидкостью.

Но он был свободен. И он был зол.

Ксилар смотрел на припиленного к дереву соратника с академическим интересом ученого, у которого разбился образец. — Любопытно, — произнес Призрак. — Самоуничтожение через обратную кинетику. Эффективно. Глупо, но эффективно. Ты действительно достоин легенд, Девятый. Жаль.

Он щелкнул пальцами.

Из теней под кронами деревьев начали выходить другие. Не пять и не десять. Двадцать фигур в одеждах из дыма. Свита Ксилара. Резервный полк Стражей Границы.

Они окружили поляну кольцом. Двадцать пар серебряных глаз уставились на истекающего кровью человека, лежащего на земле.

— Взять его целым, — приказал Ксилар. — Но можете сломать лишнее. Он меня раздражает своим упорством.

Маги двинулись вперед. Шаг синхронный, бесшумный. Их пальцы складывались в сложные печати. Воздух начал густеть, готовясь обратиться либо в кислотный туман, либо в бетонный саркофаг.

Джонни выдохнул кровавый пузырь. Внутри него оставалось ресурса на одну атаку. Одну. Максимум на три секунды абсолютного жара. После этого ядро выгорит дотла, оставив от Девятого лишь черное пятно на выжженной земле. Протокол Омега, примененный к самому себе.

Он закрыл глаза, прощаясь с миром, который толком не успел увидеть за пределами арен и тренировочных площадок. Вспомнил запах дешевого самогона в форте. Вспомнил спокойное лицо Четвертого.

И услышал звук, которого здесь быть не могло.

Щелчок взводимого курка. Сухой, металлический, абсолютно уверенный в себе.

Один из магов слева вдруг дернулся. Серебряная молния, вылетевшая из теней быстрее звука, вошла ему точно под ухо, разворотив мозг. Фигура в мантии рухнула мешком костей, забрызгав соседей серым веществом.

Второй маг, разворачиваясь на источник звука, поймал грудью заряд картечи. Его защитные чары выдержали дробь, но кинетический удар отбросил тяжелое тело на добрых десять футов, ломая строй кольца.

Третий успел поднять щит. Пуля калибра 7.62 с вольфрамовым сердечником врезалась в магическую полусферу. Послышался звон, как от удара в колокол. Щит пошел трещинами, но устоял. Однако эта секунда задержки стоила магу жизни — вторая пуля вошла точно в открытый висок.

На краю поляны, там, где лес смыкался особенно плотно, возникла новая фигура.

Она сидела на толстой ветке старого дуба, небрежно закинув ногу на ногу. Длинный вороненый карабин с интегрированным глушителем и массивным оптическим прицелом покоился на сгибе локтя. Ствол еще дымился.

Фигура лениво прыгнула вниз. Высота в пятнадцать футов закончилась приземлением без единого звука, словно вес незнакомца стремился к нулю.

Одет он был в потертый кожаный плащ поверх городского костюма-тройки. На шее болтался развязанный галстук. Лицо скрывала широкополая шляпа, а нижнюю половину — черный платок-бандана. Но главную деталь скрыть было невозможно.

Вместо правой руки у незнакомца был протез. Сложнейший механизм из черной стали, меди и тускло светящихся рун. Механические пальцы сжимали цевье винтовки с точностью гидравлических тисков.

— Прошу прощения, господа, — голос незнакомца был скрипучим, прокуренным и полным плохо скрываемого веселья. — Вы заняли мою охотничью засидку. А я очень трепетно отношусь к своей недвижимости.

Ксилар медленно повернул свою голову-метель к новому участнику. Впервые за весь бой в глазах-стужах отразилось нечто похожее на удивление. — Механик, — выдохнул Ледяной Призрак. — Тебя не должно быть на территории Дэмии. Союз расторгнут.

Механик пожал плечами. Его протез тихо щелкнул суставами, перезаряжая винтовку. Затвор клацнул с аппетитом голодного зверя. — Союз расторгают политики, Ксилар. А долги возвращают киллеры. Помнишь заказ на одного барона в Маркате? Три года назад. Ты тогда

увел цель у меня из-под носа, потому что твои лыдышки оказались быстрее моих шестеренок. Счетчик процентов натикал прилично. Сегодня я пришел забрать долг. С процентами.

Двадцать оставшихся магов перегруппировались. Кольцо сжалось. Теперь они целились не в Девятого. Все серебряные бури взглядов сошлись на Механике.

— Уходи, Девятый, — бросил Механик, не оглядываясь. Он перехватил винтовку одной механической рукой, а вторую вытянул в сторону магов. Из пазов предплечья выдвинулись тонкие лезвия вибро-ножей. — Тут воняет мертвечиной. Мне нужно пространство для танца.

Джонни попытался встать. Легкие ответили огненной вспышкой боли. Ребро окончательно прорвало плевру. Он оперся на «Плачущего», используя меч как костыль.

— Кто ты? — прохрипел Девятый, сплевывая кровь.

Механик наконец обернулся. Платок скрывал рот, но глаза... глаза были ярко-желтыми, с прямоугольным звериным зрачком. Он подмигнул Джонни. — Тот, кто решает проблемы радикально. Передай привет Первому. Скажи Каэлю, что Механик передает привет и обещает зайти на чай, когда закончу с этими статуями.

Он отвернулся. Винтовка снова поднялась к плечу. — А теперь извини. У меня свидание с двадцаткой самоубийц. Не хочу заставлять даму ждать.

Ксилар поднял обе руки. Серебряная метель внутри его глазниц взвилась вихрем. — Уничтожьте его! — крикнул Ледяной Призрак, и его голос впервые утратил спокойствие, обретя нотки паники. — Ему некуда бежать!

Маги бросились одновременно. Они решили проигнорировать огнемета-Девятого, сочтя его нейтрализованным, и раздавить единственную реальную угрозу массой. Воздух разорвали плетения смертоносной магии.

Механик нажал на спусковой крючок дважды.

Первая пуля попала в летящее копьё из уплотненного воздуха, созданное одним из магов. Пуля не просто уничтожила снаряд — она прошла сквозь него, сохранив траекторию, и вошла в лоб создателю.

Вторая поразила каменную волну, запущенную вторым. Вольфрамовый сердечник вошел в гранит, активируясь от соприкосновения с маной. Внутри заклинания прогремел направленный взрыв. Камень превратился в шрапнель, наспиговавшую троих ближайших бойцов Вэй-лиса.

Началась бойня.

Механик двигался не как человек. Его протез позволял совершать баллистические прыжки. Он оттолкнулся от земли механическими ногами, взлетев на крышу брошенной телеги. Очередь из встроенных в протез пистолет-пулеметов срезала двоих магов, пытавшихся обойти его с фланга.

Его стиль боя был полной противоположностью дисциплине Топ-10. Это был хаос, воплощенный в инженерном гении. Он использовал отдачу собственного оружия для маневров, стрелял из положений, считающихся невозможными, а механические лезвия в левой руке рубили тех, кто подходил вплотную, с эффективностью промышленной пилорамы.

Ксилар понял, что теряет контроль над ситуацией. Потеря пятерых лучших бойцов за первые десять секунд схватки с одиночкой ломала любую тактическую модель. — Окружение пятого порядка! — взвизгнул Ледяной Призрак. — Применить Симфонию Молчания!

Оставшиеся двенадцать магов прекратили индивидуальные атаки. Они встали в круг, сцепившись руками. Над поляной начал формироваться купол из матового черного стекла. Симфония Молчания — древняя техника изоляции. Внутри такого купола перестает работать любая внешняя энергия. Порох не воспламеняется, тетива лука не посылает стрелу, а механические детали испытывают сопротивление плотности времени. Даже магия Механика должна была начать сбоить — его протез работал на смеси алхимического огня и пружин, которым нужен был доступ к внешнему эфиру для охлаждения.

Купол сомкнулся. Звук отрезало напрочь. Бой погрузился в сюрреалистичную тишину.

Джонни, привалившийся к трупам бородачей, смотрел на это сквозь пелену боли. Он понимал: Механик продержится минуту. Может, две. Потом механика заклинит, и его просто разорвут на части совместным залпом.

Если он хочет вытащить кристалл Балтазара и предупредить столицу, уходить нужно сейчас. Но уйти означало оставить неопознанного союзника — одиночку невероятной мощи — умирать в ловушке ради спасения собственной шкуры. Кодекс наемника? Или остатки человечности генерала Паттерсона?

Ядро пульсировало. Ресурс исчерпан. Еще одна вспышка — и сердце Джонни разорвется от перегрузки.

Он опустил глаза на свой меч. «Плачущий» все еще сиял остаточным жаром.

Идея родилась не в разуме. Она родилась в отчаянии. Безумная, самоубийственная, достойная скорее Казя, чем Девятого.

Джонни собрал последние капли контроля. Он направил всю оставшуюся энергию не вовне, а внутрь. В каналы меча. «Плачущий» предназначался для выплеска. Для создания направленных струй пара и огня. Каналы в метеоритном железе могли выдержать колоссальное давление. Но что будет, если закрыть выходные отверстия?

Джонни положил здоровую руку на гарду. Вторую, раненую, он использовать не мог. Он прижал наверх меч к груди, прямо напротив своего ядра. Наконечник «Плачущего» уперся в обломок ребра, торчащий из раны.

— Прости, старый друг, — прошептал Джонни металлу. — Придется тебе стать бомбой.

Он влил остаток маны в центр рукояти и перекрыл клапаны сброса давления силой воли.

Внутри замкнутого контура меча начался процесс имплозивного синтеза. Температура стала расти экспоненциально. Железо начало стонать, деформируясь от внутреннего жара. «Плачущий» плакал не паром. Он плакал собственной структурой, готовый вот-вот обратиться в облако раскаленного газа.

Джонни взглянул на купол. Двенадцать магов Вэйлиса стояли внутри, начав финальное песнопение. Ксилар стоял в центре, дирижируя смертью Механика.

Механик в этот момент как раз терял преимущество. Его винтовка сухо шелкнула — магазин пуст. Пистолет-пулеметы захлебнулись. Смазка в суставах протеза загустела от эффекта Симфонии, движения потеряли точность. Он пропустил удар ледяным шипом, который прошел его бедро. Механик упал на одно колено, выставив перед собой вибро-ножи, рыча сквозь бандану, как раненый зверь.

Джонни побежал.

Каждый шаг отзывался взрывом в легких. Мир сужался до туннеля. До единственной точки — трещины в основании черного купола, куда уходил силовой кабель заклинания, питающийся от самих магов.

Он врезался в барьер плечом.

Черное стекло пошло сетью трещин. Купол выдержал, но контур на секунду разомкнулся — магическая геометрия перестроилась, компенсируя деформацию. Этого хватило.

Джонни вложил всю массу своего тела в последний выпад.

«Плачущий» вошел в основание купола не как оружие, а как таран. Раскаленный до состояния квазжидкости наконечник меча соприкоснулся с антимагической субстанцией. Произошло столкновение абсолютного порядка и абсолютного хаоса. Замкнутый контур меча не смог удержать накопленную энергию дольше наносекунды.

Взрыва не было. Была декомпрессия. Звук вернулся в мир с такой силой, что барабанные перепонки Джонни лопнули сразу и навсегда. Ударная волна, состоящая из чистой тепловой энергии, расширилась сферой диаметром в сто футов.

Для магов Вэйлиса это выглядело так: сначала исчез звук их Симфонии. Затем само понятие «температура» прыгнуло до отметки «миллионы градусов» внутри их защитного пузыря. Заклинание пятого порядка, рассчитанное на изоляцию внешних воздействий, идеально сработало как реторта. Оно заперло ад внутри.

Двенадцать мастеров магии высшего ранга испарились, не успев осознать смерть. От них не осталось даже пепла — органика разложилась на атомы. Черный купол воссиял изнутри светом новорожденного солнца и с мелодичным звоном осыпался миллионами осколков обсидиановой пыли.

Ксилар спасся чудом. Будучи источником холода, он инстинктивно создал вокруг себя сферу абсолютного нуля за миг до удара. Ледяная сфера приняла на себя тепловую волну, обратившись в гигантское облако пара, которое скрыло Ледяного Призрака от глаз.

Механик, чья защита отключилась вместе с гибелью магов, пролетел через всю поляну, сбитый ударной волной. Он проломил телом ствол молодой березы и остался лежать неподвижно, из-под его маски текла кровь.

Джонни стоял в центре кратера.

Его правая рука, державшаяся за меч, перестала существовать по локоть. Плоть, кость и металл сплвились в единый оплавленный обрубок. Грудная клетка представляла собой месиво. Легких не было. Сердце продолжало биться только благодаря инерции последнего выброса маны, поддерживающей жизнь помимо физиологии.

Он упал на колени. Затем на бок. Земля встретила его мягко, как пуховая перина. Сквозь багровый туман уходящего зрения он увидел, как рассеивается пар.

Ксилар стоял на ногах. Его одежды сгорели. Кожа почернела от ожогов первой степени. Серебряная метель в глазницах потускнела, но не погасла. Он был страшен. Он был уязвим. И он был в ярости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.